

18+

**ЛАРИСА БУХВАЛОВА
АНАСТАСИЯ РОСТОВА
ЕЛЕНА КРЮКОВА
РУССКИЕ БАБЫ**

Елена Крюкова

Русские бабы

«Издательские решения»

Крюкова Е.

Русские бабы / Е. Крюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530039-3

Три русские бабы. Жарят-парят, шьют-вяжут, занимаются соленьями и вареньями, рожают и возвращают детей. При этом они еще пишут стихи и поют песни. А может быть, это прямое бабье дело — петь? На морозе или в тиши дома, в кругу любимых друзей или перед молчанием чужого торжественного зала, в лесу или в огороде, в церкви на клиросе или в веселой толпе на разудалом народном празднике. И — в пути, чтобы легче идти. Три русские бабы — Лариса Бухвалова, Анастасия Ростова, Елена Крюкова. Встречайте!

ISBN 978-5-00-530039-3

© Крюкова Е.
© Издательские решения

Содержание

РУССКИЕ БАБЫ	8
ЛАРИСА БУХВАЛОВА	9
АНАСТАСИЯ РОСТОВА	10
ЕЛЕНА КРЮКОВА	11
ЛАРИСА БУХВАЛОВА	12
НЕСЕНИЕ ЗВЕЗДЫ	13
Ниточка посконная, небесная	14
Голубая нитка на бобине*	14
Игра с огнём	14
Памяти бабушкиной сестры Грунюшки	16
Покупка кильки	17
«Из избы несу в корыте...»	17
«Он надувной воздушный шар...»	18
Пётр и Павел ловят рыбу	18
Беление льна	20
Фотимья – бели льны	21
Перунов огонь	21
«Как носила, как рожала ...»	22
«Среди зимы, где сыплет белый снег...»	23
Навоз	23
Несение Звезды. 5 марта	24
Лесное ухоженье. 28 марта	25
Берегиня Лада	26
Птица моя	27
Заброшенный Рай	28
«Кто я?.. Что я?.. Знать не стоит...»	29
Кошка – это сфинкс садовый	31
«Был ураган. И бабушка летела...»	31
«Кошка – это сфинкс садовый...»	32
«Жизнь истончилась до толики...»	33
«Кто жизнь надломит легко и тонко...»	34
«... Человечек, слепленный из хлеба...»	35
Копейка	35
Луковое горе	36
«От дома и до дома побираться ...»	37
«Меня из дома выгонят...»	37
Первые цыплята. 2 апреля	38
Ёжики любят лето!	38
«Как незатейливо чиста...»	39
«– Хочешь совет?.. Ты попроще живи, как лист...»	39
«Осень совершает переход...»	40
«Паденье снега в век из века...»	41
«Разбирают ёлку в феврале...»	41
Тринадцатый трамвай	42
«Я сама – пикОвая дама...»	43
«Неправильный дождь в феврале...»	43

«Каменная рыба тишины...»	44
«За плечи брошу суму...»	45
Три Ангела о чем ведут беседу?..	46
«Что не так на сторонке нашей?..»	46
«Моя бабушка уголь грузила...»	46
Цикорий	47
«Стоит пшеница, нету ей предела...»	48
Яблочный Спас	48
«Впадает в небо узкая протока...»	49
«Ну, вот и осень. Жалость или шалость?..»	49
Забывтый странник	50
От Покрова и до Казанской	51
«В каком столетье, на каком году...»	52
«Три ангела о чём ведут беседу?..»	52
«Уже всё есть, а я искала...»	53
В музее Пушкина. Нижний Новгород	53
Шарик	54
Рождественский ход	54
Путь волхвов	55
Мать-и-мачеха	56
На фоне фильма «Титаник»	58
Расселённое общежитие	59
Ботинки войны	59
«А на станции дико и страшно...»	60
«Старые окна похожи на лики старух...»	61
«Села, да и устала ...»	62
Дом накрённый	62
«Когда бы понимать, что жизнь-то – небыль...»	63
Мелькающие эпизоды	63
Дон Кихот	65
Максиму Горькому	66
Горький на площади Горького	66
«Вихри в небе несусветные...»	67
Три девы	67
Рябиновые бусы	70
«Мы из разных миров. Я забыла – какая дверь...»	70
Олива	70
«Живёт среди лесов...»	71
У окна	72
В мандариновой роще	72
«По картине Босха...»	73
«Из ветвей достаёт жираф...»	74
Троянский конь	76
«В скромное моё жилище...»	76
Оберёт	78
«Я заблудилась. Заснеженный сумрак, заборы...»	78
«Для любви нет смерти, успокойся...»	79
«Мы встретимся с тобой в конце времён...»	79
«Я – волчица в своём лесу...»	80

«Красивые, как созвездия...»	81
Рябиновые бусы	81
(поэма-баллада)	81
Огневая пляска на Масленой неделе в Весновой	85
АНАСТАСИЯ РОСТОВА	87
ПЛАМЕННЫЙ МЕЧ	88
Градус полетности	89
Чкалов	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Русские бабы

Елена Крюкова
Лариса Бухвалова
Анастасия Ростова

Дизайнер обложки Владимир Фуфачев

© Елена Крюкова, 2020

© Лариса Бухвалова, 2020

© Анастасия Ростова, 2020

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0053-0039-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУССКИЕ БАБЫ

ЛАРИСА БУХВАЛОВА

АНАСТАСИЯ РОСТОВА

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ЛАРИСА БУХВАЛОВА

Откуда мои стихи? От мира или не от мира? И от неба, и от земли, от трав, от природы, от неба и от бабушки. От её прибауток, от кудели тянется. Вращается веретено. Ниточка из облака тянется. Прялка там. К ней кудель привязана. Мир старьй, мир новьй. Царствие небесное и земное. Всё прядётся в нить. Скручивается. В судьбу заплетается. В поэму жизни.

НЕСЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Ниточка посконная, небесная

В каждый нитяной клубок бабушка вкладывала тело – орешек, бумагу, мой тетрадный ученический лист. Начиная накручивать, творила молитву, о жизни говорила, думала, смотрела в окно на наш кургузый тополь – на лето, осень, зиму, на вЁсну. Именно на «вЁсну». В ней были вёсла, лодка смолёная, в путь налаживаемая. По весне, по волне, по первой борозде на усаде. С лопатой, с лопастью по винту накручивалась на спираль пряжа, кудель галактики, запрягалась с нитью клубка, шло повествование, сотворение, стихотворение.

Голубая нитка на бобине*

Помню с детства – мамина любимая —
крепкая, в коробочке хранимая
нитка на бобине очень прочная.
Мама умерла, а нить не кончена.
Ушивали многое и разное
этой нитью выгоревшей, ситцевой:
Бабушка с иголкой умудряется,
мамино лицо, моё – традиция.
Ниточка посконная, небесная
не порвётся, потому что честная.
Ариадны нить во тьме космической.
Третье поколение – не истрачена.
Сколько ей и платьев перетачано*,
сколько ей носков, трусов заштопано.
Нитка жизни. Ниточка семейная.
Из бобины, переданной Макошью*.
От иконы Троицы, от вервия*.
Тянется она, как будто вечная.
Дочке подаю – вот нитка крепкая,
голубая, бесконечно прочная.
Связанная тайной связью с предками,
Через сто галактик не закончится.

*Бобина** – (франц.) большая катушка для прядильных машин.

*Тачать** – шить сквозной ниткой.

*Макошь** – покровительница женицин и женских ремесел.

*Вервие** – верёвка, инур (устаревшее). В православии это длинная верёвка (около 40 метров), опоясывающая престол поверх катасарки. Вервие символизирует собой пути, которыми был связан Христос, ведомый на суд, и Божественную силу, которая держит собою всю Вселенную.

Игра с огнём

Одна – ни братьев, ни сестёр.
Мне ближе всех стал враг —

Бегу стремглав кормить костёр,
С мальчишками в овраг.

И вот – огонь большой горит —
Полынь и сухостой.
Трещит, гудит и говорит
Со мною злой огонь.

Он жулик рыжий, как и я.
Он рвётся в языки.
И дым пускает на меня.
И ест с моей руки.

Как пёс голодный и родной.
И я в восторге вся.
Любуюсь золотой золой,
Как выводком лисят.

Ему я снова есть даю —
Возьми, поешь, живи!
Щенки твои с ладони пьют
Дары моей любви.

За сердце бабушка схватясь,
Взмолилась в вышине,
С обрыва, набожно крестясь.
А я чуть не в огне.

А я с костром-то говорю,
Девчонка – друг огня...
И страшно ей, что сотворю.
Ей страшно за меня.

Огнёвка то, растёт в дому,
Она ж нас всех сожжёт!
– А я огонь люблю! Ему
гудрон дарю, как мёд.

И вот уж чувствует меня.
Сметливый конь—огонь.
Я для него – дитя огня,
Сама огонь – лишь тронь.

А бабушка мнит о худом,
Схватила за ремень.
От топота гудит наш дом
В кромешный Божий день.

И вот, как в детстве, я с огнём —

стихами выжгла мир —
Горячим, золотым пером.
И жизнь прожгла до дыр.

Памяти бабушкиной сестры Грунюшки

От кромешной тоски,
между небом «осьмым» и девятым,
тётя Груня носки
полосатые вяжет робятам.

Не своим, а чужим,
коль своими судьба обделила.
Нитка жизни спешит,
что давно померла, позабыла.

Месяц, будто, январь,
воскресение дня выходного.
В печке, в вольной, стоят
караваи большие ржаного.

Свет от утречка свят,
сквозь герань пробивается резкий.
На окошках хрустят,
инда снег по зиме, занавески.

Из деревни, из всей.
На показ ришелье вырезное.
В Елизарово ей.
Припасла накануне сувои.

Только хлебу остыть.
А кукушка молчит. Эка жалость.
Видно, встали часы.
Вот и «Утро в бору» задержалось.

В сени выйти дока.
Нынче дух, аж зашло, осязаем.
И отколь облака
на приступок крыльца наползают?..

Покупка кильки

После этой долгой спячки,
Сна в слепой зиме медвежьей,
Вышла я на снег горячий,
Лёд перчёный семисвечный.

И в период всехней линьки,
В поселковом магазине
Встала за солёной килькой
В очереди, посредине.

Для семи голодных кошек —
Сфинксов, спящих на окошке,
Продавец, продай на грошик
Горстку кильки в чёрной крошке.

В дивном марте, в этом веке,
Мир и килька да прибудет!
Кошки тоже человеки.
Кошки – мартовские люди!

Всем видна с небес парадных,
Я топчу снега земные —
С килькой, хлебом, псом патлатым
В марте, в эти выходные

На тропе спляшу слоистой
В ботах дырчатых, сюрпризных.
Распалиться, просолиться —
Вот она – соль нашей жизни!

«Из избы несу в корыте...»

Из избы несу в корыте
Горы тряпные, отжатых
Простыней белёных кипы,
Занавесок мятый бархат.

Глубоки снега по марту.
Облака, в них Солнце светит.
А бельё-то вешать надо,
Чтоб проветрил ткани ветер.

Чтоб от смерти до бессмертья,

Въявь, их сквозь ветра продули,
Провертели в круговерти
Мировой небесной бури.

Над ноздрястым настом марта,
Над малин седой тесьмою,
В бархатных кистях косматых
Обдаёт меня весною.

Как шагну назад снегами,
Облаками неба, Рая —
Провалилась, ровно камень,
Грубая, насквозь земная.

«Он надувной воздушный шар...»

Он надувной воздушный шар,
мой мир. И я лечу.
Смеются, глядя стар и мал
на сей небесный чум.

Из неизвестных я пород.
А шар – из лоскутов.
Тряпичный дом, где будет род
сиять сквозь тьму веков.

Хоть много не скажу я слов,
но я в Его руке.
Меня ваял Андрей Рублёв,
мазнув лишь в уголке.

Да, я чумная и черна.
Но смел мой Божий дар.
С сожжённых досок я сошла.
Пожёг мой мир пожар.

А я и с чернью в серебре
твержу, что я в Раю.
И вижу – что есть на Земле.
Что вижу, то пою.

Пётр и Павел ловят рыбу

Качает волны Океян,
А попросту – Ока.

Стоит Апостол, осиян,
В обличье рыбака.

Высокий, в лодке золотой.
А звёзд над ней не счесть.
И над бегущею волной
Забрасывает сеть.

Вся в серебре блестит вода,
Так рыбою полна.
Улов великий невод дал
Апостола Петра.

Пришли и щука, и карась,
Покорные судьбе.
И стерлядь бьётся тут, и язь
На лунном серебре.

Апостол Павел тянет сеть
Помощником ему.
И, чувствуя – там кто-то есть —
Порой глядит во тьму.

И вдруг из тьмы идёт корабль.
Огни зажжёт дозор.
Он освещает смело даль,
Как местный рыбнадзор

И ставленник всея земли.
Он начал им грозить:
– Вы кто такие?! Как могли
Сетями тут ловить?!

Мы знаем здесь всех рыбаков,
Какие живы есть.
И арестуем весь улов,
И заберём мы сеть!

Тут рыба Язь вдруг молвит им:
– Сама я в сеть пошла!
Апостол Пётр и Павел с ним —
Святой Небес всея!

И эта сеть есть дар Небес,
Святых Синайских гор.
Но ей вовеки не владеть
Вам, грешный рыбнадзор!

Взглянули стражи с корабля —

А в небе Звёздный лес —
Святые светлые стоят
И смотрят все с небес.

Да сполохи играют там.
И видят мужики,
Как лодка плавно к небесам
Поднялась от реки.

Кого же брать на абордаж?
Ни сети, никого.
Луна на волнах, как мираж,
Сияние одно.

Большое море-Океян,
А попросту – Ока.
Здесь чудеса то тут, то там,
Где Божия рука.

Беление льна

Стелю на снег холсты льняные —
Заплаты тусклые земные,
Что первозданны и черны,
Натканые во тьме зимы.
Проволгнуть, вызябнуть, отмякнуть.
На солнце – глянь – лежат и ясны.
Всех деревень и всех времён —
Белись, мой домотканый лён.
Холсты – картины жизни, мира.
Так бабушка моя белила.
Так жили люди испокон.
Его растили, били, мяли.
Страдали век, любили, ткали,
Носили и рождали вновь.
Всё тело ноет, руки в кровь.
Белись, мой лён, моя любовь.
Дубей и звёздни в ночь, а в утро
Весь в инее звени, как будто
Ты жизнь и смерть, мой вечный лён.
Для жениха – в конях рубаха.
Для сына, дочери, для брата,
Для савана и для икон —
И причащенье, и поклон.
Моя любовь – мой белый лён.

Фотимья – бели льны

Взошло Ярило на холмы.
Над миром золотое встало.
Горят снега – конец зимы.
Звенят и плаваются кристаллы.
И я – Фотимья – вышла в Русь.
С холстами жизни над снегами,
Босыми лёгкими ногами
Лебёдушкой плыву – белюсь.
На Солнце, на Ярило, гляну.
И на снега, как лебедь, лягу —
Жених мой в небе – им белюсь.
Не отступлюсь и не угасну.
Под ним, сомлев, со льнами ясну
Во всю полуденную Русь.
Фотимья я, как лён белюсь.
Свети, Ярило, неустанно!
Я лён – крылами встрепенусь.
Лишь для тебя лилейной стала —
Светла, чиста, бела, как Русь.

Перунов огонь

Вот он – дикарь лесной, степной —
Перунов вострый меч —
Огонь горячий, золотой,
Способный всё прожечь.

Сквозь мрак кромешный пронести
И на ладонь земли
Упасть, как сокол, острый клин,
Стрела вся Любви.

Над огородом, от земли,
Он из кустов возрос —
В него швыряю мусор тьмы,
Всё прошлое, без слёз.

Зимы сотлевшее быльё,
Свихнувшуюся боль.
Сожги страдание моё,
Стремительный огонь.

Солому чёрную беды,

Тряпья пустого мглу,
Расплавь беды рябые льды,
Гнилых лаптей хулу.

В клочки порви и лют, и ал,
Переруби мечом
Мирской, сердитый матерьял
С подложным сургучом.

Любовей зло, труху и пыль,
В сердцах крошечный мрак,
Всю ложь от тверди до Звезды,
Где настоящий ад.

Всё растопчи, как красный конь,
Чтоб отлетела тьма.
Чтоб жизнь вращалась посолонь
Вокруг веретена.

«Как носила, как рожала ...»

Как носила, как рожала —
Будто целый мир бездонный.
Словно с Неба я сымала
Бога чудную икону.

Он-то светлый, весь во злате,
Сам стоит над облаками.
А я маленькая мать.
У меня на сердце камень.

А во чреве голый морок —
Там народ пал на колени —
Семя будущего рода,
Порушаемое всеми.

Уж от края и до края
В небесах зажглись зарницы.
И ночью не затухают,
Чтоб ребёночку родиться.

Выше всякого закона
Да пребудет род, продлится!
Велика моя Икона.
Высока Её десница.

«Среди зимы, где сыплет белый снег...»

Среди зимы, где сыплет белый снег,
во тьме ночной, где синие барханы,
мой дом плывёт, как маленький ковчег —
навстречу дню сквозь злые ураганы.

Его качнуло на семи холмах
так, что почти вверх дном перевернуло.
Но не погиб, гляди – на парусах —
Среди зимы стоит январским утром.

Он Ванька-Встанька, маленький мой дом.
Приют котов, собак и кучи книжек.
Мы с дочкой две – отчаянно гребём,
хотя от ветра часто сносит крышу.

Живые снова. Зло минуло нас.
Мы всё ж ушли от ненасытных пастей.
Наперекор ветрам Господь нас спас,
Ладонью защитив от всех напастей.

Навоз

Февраль пришёл. Не поле роз.
Не на приступках сада Рая.
Трём бабам привезли навоз.
И мы навоз тот убираем.

Аж крушья смачные летят
На белый снег, жирнее сала.
Три бабы на родной усад —
Мы возим клад в корыте старом.

Весь снег в следах и колеях.
Рядами ухнутые груды.
Навозом сдобно мир пропах.
И дух поддонный абсолютно.

Мы к вечеру в навозе все.
Как розы пахнем паром пахот.
А чем, скажите, на земле,
К её груди припавши, пахнуть?

Мы, улучшая пуп земли,

Пупок родимый надорвали,
Впрямь у столпов святой любви,
По-бабы сгорбившись над краем

Руси, где клином Солнца свет
В заречье пал, к макушкам сосен.
А мы – торты кладём на снег,
По голубому насту возим.

Неведома нам цифра тонн.
И не важна нам, бабам, точность.
Сошлись на раз мы с трёх сторон,
Соединяя звёзды с почвой.

И флягу с ледяной водой
Втроём затаскиваем в баню.
Гудит в печи рябой огонь,
А снег на валенках не тает.

Я знаю, что за нас никто,
И там, в Его Садах простёртых,
Псалом Земли не пропоёт
В седое небо в знаках твёрдых.

Чтоб вправду встало поле роз
В недостижимых кущах Рая,
Нам надобно возить навоз,
Из грешной жизни прорастая.

Несение Звезды. 5 марта

Как над пропастью иду —
Всюду дали синие.
А в руках – несую Звезду.
Я, наверно, сильная.

Космос, видишь ты меня
Среди поля травного?
Маленькая в поле я,
а Звезда Державная.

Восемь ясных уголков
В перекрестье сходятся —
Ойкумена и альков
Девы Богородицы.

Час несения огня

В марте на озимое.
Небо я хочу обнять
Чёрное звездимое.

На ладонях ту Звезду
Подыму-ка бережно.
Как гвоздястую судьбу,
Как тавро, чем мечена.

Жизнь-то плещет через грудь
Опрометью смелую.
На мечту хочу взглянуть
Бабым белым телом я.

Мартовской зари крыло
За спиной расчерчено.
Как мне в жизни повезло,
Что я просто Женщина.

Лесное ухоженье. 28 марта

Шли мы на широких лыжах
К мрачному, над миром, Храму.
Вот он – на холме возвышен,
Подступает волчьим мраком.

Как шатун, лохмат и страшен,
Он гудит над головами,
Высекая в сердце пламя
Несусветными ветрами.

Древне-зверьей руной имя,
Когтем по медвежьей шкуре.
Как возвысит да обнимет,
Так поглотит в страшном гуле.

Велес щедрый, страж, кормилец,
Лес свечной живой и мёртвый —
Брёвнами дубов великих
Небеса с земли подпёрты.

От твоей ли мы грибницы?
От неё питаем роды.
От твоей ли мы криницы?
Все, медведь, твоей породы.

Склад, ладья и домовина,

Стол и стул, черпак и чаша,
На коре, на голубиной,
Сказ и песня жизни нашей.

Сам очаг, тепло постели,
Лад игрушки под руками —
От лубочной колыбели
Ты нас пестуешь веками.

Праотец, могучий Велес,
Дичь дарующий для пищи
И одежды – тело зверя.
Ягоды податель нищим.

Пали мы, восторгом полнясь,
На снега пред сущим Храмом —
Кланяемся в пояс, в корень,
Мы твоим стволам и травам.

Берегиня Лада

На весну и на любовь
Лажу жизнь и веру
В день хороший, золотой,
Отметая скверну.

Ты гляди, печной огонь,
Делаю я Ладу.
Лыко режу я с ладонь,
Лён руками глажу.

Я для Лады жемчуга —
Бус прозрачный камень
Сохранила, сберегла —
Радугу и пламень.

Свет, надёжу и мечту,
Лад земного сада
Во волосы её вплету —
Оживляйся, Лада.

Льняной нитью обовью
Лыковые космы.
Золотую девы грудь —
Домотканым кросном.

Как ладонь моя тепла —

В лад моё моленье,
Космоса и дома лад,
Ладный день весенний.

Млечным морем, по волне,
Жизнью через вёсны
В золотой пльви ладье,
Лада, в небе звёздном.

Да наладится уют
Очага и мира.
Наш конёк глядит на юг,
В небо – на Ярило.

Птица с юга к нам летит
Доброй, светлой вестью.
С Ладой ладной ладьяся, жизнь,
Превращайся в песню.

Жемчуга блестят в власах —
В космах, в лыке, в косах.
Ты храни родной очаг —
Дома лад и кросна.

Птица моя

Корабли облаков над стремниною
проплывают в чужие края,
где живёт и летает криктивная
чайка белая – птица моя.

Травы синие, терпкие, горькие
по откосам оврага текут.
Будто чаша Грааля проволглая
между горами держит Оку.

Глаз прищузив, гляжу на сияние —
вся от солнца живая вода.
Эта чаша есть неупиваема,
ведь не выпить её никогда.

А над ней – птица белая, гордая —
над обрывом парит, как в Раю.
Я, девчонка с окраины города,
в чаше – малой песчинкой стою.

Птица белая, чайка криктивная,

два надлома распахнутых крыл,
ты, наверно, такая счастливая —
Бог красивой тебя сотворил.

Тренируя цыплёнкино горлышко,
я ладони слагаю трубой.
А они от полыни-то горькие,
и в шамоте, во глине земной.

– Ларка, слышишь? Я – ты, птица белая!
Чайка тоже! В овраге, на дне!..
Под ногами тут ящерики бегают,
И взлететь очень хочется мне.

Я лепила такую же – смелую
птицу рыжую, чтобы жила
и летала, как ты, птица белая —
два, с надломом, высоких крыла.

Но, пока не просохла дремотная
глина крыл и не спала с пера
пелерина земными шамотами,
птица рыжая не ожила.

Я мечтаю, я верую в лучшее,
светлым будущим вся возгорюсь.
Вкус полыни от крыльев почувявши,
ты узнаешь её и меня.

Как надломит мне жизнь руки белые,
над оврагом и чашей распяв,
закричу я. И ты, птица верная,
отзовёшься, крыла распластав,

в раструб чаши Грааля над берегом,
в горн, наполненный плазмой огня,
над посёлком немым и растерянным,
не поверившим в птицу – в меня.

Заброшенный Рай

С утра, росой серебримый,
подходит август к середине.
В садах заброшенных рябины
горбатые нагнули спины.

Они глядят на тело Рая —

В былье каком грушовки тонут.
А выше – яблони сгорают,
хрустя корой в изгибах чёрных,

Увязнув в мире по колени,
набрякшие к излёту лета,
запретные, на дне столетий,
одни меж тем и этим светом...

Тут Рай заросший и обвисший,
где в брюньках рыжих облепиха
курчавая плывёт меж вишен,
с поклоном к утреннему Кришне.

И я иду, как посторонний,
но августейший соучастник,
глядеть на щедрые уроны
чьего-то брошенного счастья.

Я за грибами и с корзинкой —
Захожий странник в дальнем Рае.
Мне подаёт плоды поминок,
крестясь, седая ветка с края.

Кто я? Садовник? Огородник?
Нет никого. Никто не скажет.
А боровинка-одиночка
с дичинкой – и горчит, и вяжет.

Боровинка – сорт яблок*

«Кто я?.. Что я?.. Знать не стоит...»

Кто я?.. Что я?.. Знать не стоит.
А живу – в Раю.
Я из старой драной шапки
звёзды раздаю.
Рассыпаю их горстями —
тьма в той шапке их.
С голубями, новостями,
в рыбах золотых.
Раздаю за так, за посвист.
Мне под хвост шлея —
Забирайте яства, гости!
Сыпья, жизнь моя!
Вся, что есть, как в дырках шапка
на пустой калган.
Трёт карман душа-монадка —

Золото! Отдам!
Серебром осыплю грядки:
«Сейся, серебро!...»
Разберёте на подарки
ягодок добро.
Получите, милый мальчик,
сладкий петушок.
Это солнышко в нём скачет.
Накоплю ещё!
Я для вас скачу по свету —
долам и полям.
В уголке «пальта» монетка.
Утаила я.
Надо всё раздать, до крошки,
до дыры, до дна!
Колокольцы скоморошья
звонкие звенят.
Богатеть неловко очень —
грех держать в себе.
Раздарю-ка глазки-очи,
не возьму себе!
Вот они: морские ветры,
карее кольцо —
не нужны и две монеты
им перед концом.
За последнюю звездою
зимней, на заре,
над голодною судьбою
снега на дворе,
небесами над домами
пролетаю я.
Придорожный киньте камень
в глупую меня.

Кошка – это сфинкс садовый

Бабушка нить пряла. Веретено вращала – щёлк пальцами – и оно крутится в воздухе, без всякой поддержки. Ниточка из шерсти вытягивается, прядётся. Спрашиваю её: «Бабушка, как так веретено у тебя летает?» Она засмеётся: «А вот угляди». Щёлк пальцами, и петлю на кончик накинёт, щёлк – и пустит его. Веретено в воздухе закрутилось. Летит! Я на коленках сижу перед бабушкой – гляжу, как веретено летит, крутится и колышется. Да не просто, а по кругу. Да не просто по кругу, а по конусу. Как вокруг невидимой чаши. А бабушка, тем временем, не торопясь, другой рукой из кудели, привязанной к прялке, нить вытягивает. И раз – ладонь открыла – а веретено само в ладонь летит! Как к магниту! Поймала и петельку пальцем скинула. Нить на веретено накрутила. «Ну что? Не углядела?» – «Нет, – говорю, – волшебное оно?» – «Волшебное на небе, в космосе, а у меня деревянное. Попробуй-ка». Беру я веретено, кудель тяну, пускаю веретено – крутись... А оно падает. Не получается. «Что же, бабушка, – говорю, – у тебя такое? Руки волшебные? С космосом связь у них?» Бабушка на свои старые, в морщинах руки смотрит и говорит: «Может, и волшебные... за жизнь стали. Может уж и с космосом связь».

А стихи? Тоже в воздухе, в пустоте, как нити. Не получались, не получались... А вот и получились! Крутится веретено! А где оно? На небе, в космосе – волшебное.

Бывают стихи необъяснимые с точки зрения здравого смысла. Нет – на чём ему держаться, а оно живое! Пустота вокруг. А оно, как планета, крутится. Летит в космосе. Чудо или чудачество? Кто его знает. А что в нём творится? Околесица куролесится. А вот держится. Ни на чём. Поёт. Это веретено в космосе крутится. Потому, что и жизнь сама невероятна как явление космическое.

«Был ураган. И бабушка летела...»

Был ураган. И бабушка летела,
как бабочка летит через поля.
Её крутило в небе и вертело.
«Ой, батюшки, неужто это я?»

Платок цветастый ситцевый трепало
и космы облаков над головой.
«Не потерять бы новые чувяки,
рублёвые, с опушкой меховой».

Зачем она, во сне ль моём возникла,
Явилась в неустроенность, бардак?..
И к облаку привязанная нитка
не сдерживала воздуха атак.

Внизу, как щепки, плыли сухогрузы
в стремнине, отливавшей синевой.
И видно было белые рейтузы.
«Ах, Боже мой, сыночки, Боже мой».

Сама себя порочила – разиня!

Народ её историю трепал,
что разные широкие резинки
сверкнули на коричневых чулках.

Да если б титул ангельский, вселенский
да крылья, как у птицы, за спиной.
Она ж летела так по-деревенски,
нелепо, над Семёновой горой.

С округлою хозяйственной сумкой,
где пачка чая, сахар да батон.
А сколько было хохота и шума,
и злыдней, и зевак со всех сторон...

«Наверно, это бабушка к погоде!
К дождю и снегу! К повышенью цен!»
«Приметы есть, что мор пойдёт в народе,
хотя не сообщал Гидрометцентр!»

Я бабушке протягиваю руку
в небесный безоглядный окоём.
Ты, бабушка, держись за жизнь, за сумку.
Авось всё сон, авось не пропадём.

«Кошка – это сфинкс садовый...»

Кошка – это сфинкс садовый.
Занята спонтанным делом —
спит, привязанная к дому
шерстяным кошачьим телом.

Или смотрит, не мигая,
как плывёт по небу мимо
скумбрии святая стая,
язь, архангелом хранимый.

Видит всплески волновые
и себя над белой чайкой.
И медуз в сети печальной,
на пути к печам Аида.

А потом идёт к коленкам,
чтобы притчу промурлыкать,
как же сладко в мире пенном,
где ей чайка ловит рыбок.

«Жизнь истончилась до толики...»

Жизнь истончилась до толики.
Полон грехов орех.
Я ж подаю алкоголикам.
Вижу – им хуже всех.

Не без амвона со свечками,
злата на куполах —
без тепла человеческого
бытность вся порвалась.

Вижу – с тшедушной малости
счастливы – ё-моё!
Может, в горе и в радости
за здоровье моё

выпьют из рюмки отколотой,
в мировую грозу.
Может, гляючи с облака,
Боже, смахнёшь слезу:

«Архимандритовы стольники!..»
Жизни увечный край...
Боже, подай алкоголикам,
слабых не обделяй.

*Баба с воза – кобыле легче.
(пословица)*

Я – баба, упавшая с воза,
кусочек загадочной тьмы.
Как русские наши берёзы,
летающая в небо из мглы.

Парящая в космосе звёздном,
как лодка на всех парусах.
По хляби дорог многослёзных
с соломинкой слов в волосах.

Я – баба, летающая в небо,
как вспыхнувший хвост НЛО.
И в руки надёжные мне бы
побольше, покрепче весло.

На скорости взмыть с паровоза,
что в грозную темень спешит.
Да будет полёт мой не познан,
как кремень кромешной души.

Так бабе, летящей, поётся
про речку, про лес, про холмы.
Простите, когда мне придётся
упасть на кого-то с Луны.

Я – баба, подвластная небу.
И делаю всё, что хочу.
Хочу и в колхоз не поеду.
Я лучше на Марс улечу!

«Кто жизнь надломит легко и тонко...»

Кто жизнь надломит легко и тонко,
кто вечно кается в маяте.
А я – украла себе ребёнка,
взяла и спрятала в животе.

Кому – улыбка, кому – ошибка.
Мир как взбесился, поднялся шум.
Я золотую поймала рыбку,
никем не званную, и несу.

«Как неприлично! Так не типично!»
А я всё выдумала сама.
Во мне гнездится семейство птичье
и просит хлебушка и зерна.

Вот и скачу я на ножках тонких,
на шпильках, в пёрышках, с хохолком.
А мир кривится, а мир хохочет:
«Не Богородица! С ветерком!»

«А как всё будет?.. А что ей светит?..»
«В хлеву рожать ей!.. Закрыть роддом!»
А я же птица – сижу на ветке —
не предъявляю святой диплом.

«А где Иосиф?.. А был Архангел?..»
«А замуж выйти ей не с руки?..»
Сопит в две дырочки милый ангел.
Какие всё же вы мудаки.

Моя проблема, а всем дилемма.
Содом, Гоморра, Армагеддон...
А в Вифлееме, в душистом сене,
коровой пахнет и молоком.

«...Человечек, слепленный из хлеба...»

...Человечек, слепленный из хлеба,
человечек, дорости до неба.
Вот тебе одёжки выходные,
старый тазик, коники резные.
Обживай игрушечное царство.
За мечту свою попробуй драться.
За любовь большую, за картошку.
Заведи себе собаку, кошку...
Бестолковый ты, мой человечек.
Нам с тобой и в дождь укрыться нечем.
Потому-то – с хлебную мы крошку.
Ты душа моя. Мы понарошку.
Ничего-то нет у нас земного.
Только в лом расколотое слово
да скотинка, ночи зеленее —
та собака, что летать умеет.
С ней-то мы и хлопаем ушами.
Решето и то лучится нами.
...Как любовь в карете мчится мимо.
Мы ж – а не посмотрим в её спину.
Не пойдём. А то – какая цаца.
Мы цари. Нам легче улыбаться.
Без такой козы не зачерствеем.
До зимы дотянем, доболеем.
В молоко тогда себя покрошим
и схлебаем расписною ложкой.
Ржи тогда, любовь большая... лошадь!

Копейка

Уронила я копейку.
Позабыла – как и звать.
Надо, надо мне копейку —
Не стесняться – подобрать.

Подняла, наказ дав строгий:
– Не валяйся на земле!

А на ней – Святой Георгий,
что с герба глядит в Кремле,

Да висит над президентом,
над российской главой,
Что чеканен был на медной,
на копеечке святой.

По землице, по Господней,
как копеечка, звеня,
покатилась Русь в исподнем
в чужедальние края.

Славя *а*глицкое слово,
будто сами дураки.
И – Георгия Святого
попирают червяки.

Углубясь в эксперименты,
продал сын родную мать.
Уж негоже президентам
Русь – копейку подымать.

Эх, прощай, душа-жалейка —
мы – святая простота —
Да не ты ль, моя копейка,
Ахиллесова пята?

Мы же помним, мы же знаем!..
Аль Европа нам чета?
Как копейка – Русь Святая...
Иль не стоишь ни черта?

Вот – живу и не привыкну,
Что лежишь ты на боку.
Эх, Георгий, эту б пику
Прямо в харю червяку!

Луковое горе

За окошком солнышко такое —
Свет апреля, первое число.
На окошке – луковое горе
Чиполинкой смелой проросло.

В списанном стакашечке гранёном
Утвердилось, медное, и вот —

Пёрышком весёлым и зелёным
Всей кипучей радостью живёт.

Круглое, укоренясь на зависть,
Разомлело, будто это Рай.
И права стаканные качает
Каждый вечер, только подливай.

А сегодня головою медной
Покачнулось в гранях, на окне.
И шепнуло тихо и безвредно:
– Не могу, устало, горько мне.

«От дома и до дома побираться ...»

От дома и до дома побираться —
Сколь милостынь у нищего в мешке!
Мне б с лёгкостью
любить и расставаться.
Быть ветреной и мчаться налегке.

Так чередую засиневших просек,
Где брезжит то колючка, то люпин,
Бежать без промедления, без пользы,
Без памяти, без встреч и без смотрин.

«Меня из дома выгонят...»

Меня из дома выгонят.
Пойду я побираться —
на дудочке наигрывать
да над собой смеяться.

Сошью-ка юбку до полу
из шали старой девы,
чтоб шли по свету, по белу
со мною быть да небыль.

Нанищенствую грошик я,
покроют ноги цыпки,
забуду всё из прошлого
и стану неказистой.

Усну, дождём настигнута,
в дому, где на сушилах

полна солома с иглами
мышами да крапивой.

Первые цыплята. 2 апреля

У обрыва, там, где снега вату
Солнце съело, прямо на краю,
Жёлтой мать-и-мачехи цыплята
Вывелись так рано и живут.

Поутру зима ещё, морозно —
Снег и лёд, да мёрзлая земля.
А они решительно и звёздно
Глазками наивными глядят.

Вот оно – само упрямство жизни.
Встали за себя, за жизнь, в штыки.
От наветов злых и укоризны
И в мороз решительно – цвести!

На земле как первая заплатка —
Плоть живая начинает путь.
Так и мне – сквозь дебри лезу – надо
Их глазами в детство заглянуть.

Ёжики любят лето!

Написано на заборе,
а значит, и не секретно,
одно изречение простое:
«Ёжики любят лето!»

И ёжик такой счастливый,
что нарисован кем-то.
И думает так красиво:
«Ёжики любят лето!»

Весь город картинку видит.
А может, и вся планета.
Лишь ёжиков не спросили:
– Ёжики, любите лето?

Это выходит что же? —
Где-то, в листву зарытый,
живёт и не знает ёжик,

что он такой знаменитый!

Но – всё же – вижу, и – радость —
«Ёжики любят лето!»
Так это, выходит, правда!
Ведь радостно мне при этом!

Художник, что рядом ходит,
ёжикина портрета —
мы верим, мы все запомним:
– Ёжики любят лето!!!

В стране, на родных просторах,
есть лозунг тепла и света!
Пишите всегда на заборах:
«Ёжики любят лето!»

«Как незатейливо чиста...»

Как незатейливо чиста
на фоне нашей круговерти
та траектория листа
с берёзовой прохладной ветви.

Мгновение ещё храня,
свой сон, пространственно не тесный,
просвеченный рентгеном дня,
потерянный и неизвестный,

один из простеньких миров,
отживши век миниатюрный
на фоне шлаковых домов
с обшарпанною штукатуркой,

не защищён и не храним,
забывши имя, отлетает...
Я усложняю этот мир,
а траектория простая.

«– Хочешь совет?.. Ты попроще живи, как лист...»

– Хочешь совет?.. Ты попроще живи, как лист.
– Этот, на кустике? – я говорю ему.
Слышу смехок и, из дырочки лёгких, свист.
– Листик тетрадный в клеточку, – он во тьму.

– Что ж это в клеточку? – спрашиваю его, —
Может, в полосочку, как у живой травы?
Он мне: – Травы живой?! Ты уж скажи – зерно!
Там, где ты будешь, дефицит зерновых.

– Странный, – плечами пожала я, уходя
Прямо по камням, набросанным в глину лет.
– Ты умерла для нас! Призрак ты! Нет тебя!
Вот привязался. Занудливый силуэт.

Нет его. Дымка. А я до сих пор живу.
Глупости всякие в призрачной голове.
Если я в городе каменном не ко двору,
Значит, за городом – буду ближе к траве.

Вот накидали дорогу камнями мне.
Что под дорогой?.. А мне он шипит: – Шкелет!
Ты там лежишь убитая, в толще камней.
Не понимаю. Иду, созерцая свет.

«Осень совершает переход...»

Осень совершает переход
сентября мятущегося в небо,
где горизонтальной строчкой белой
тонко проявляется испод.

Человек – берёзовый листок
или грач – вот глаз его прожилки,
прижимает скудные пожитки:
чтобы это тоже взять в полёт.

Чаще он пугливый однолюб.
У него всё в жизни на исходе.
Но по парку горделиво ходит,
собирая пищу в твёрдый клюв.

– Ласточка, любовница моя,
кружит осень сердце человека.
Суп грибной сварите для меня,
чтобы вспоминать нам время это.

И обратно – взгляды на окно.
Мир осенний там перевернулся.
Озера оранжевое блюдце,
пролито янтарное вино.

Так, тихонько ноги оторвав,
и взмахнув, как дирижёр, руками,
человек от ветки отлетает,
не имея на полёты прав.

«Паденье снега в век из века...»

Паденье снега в век из века.
И нового тут вроде нет.
Есть наблюденье человека —
как падает сегодня снег.

Вчера скольжение и кружение.
Иного человека слог.
А снег – влекомый и блаженный —
легонько стелется у ног.

С высот спускается к деревьям,
беспамятствуя за окном,
не знающий, насколько древний,
насколько бел и невесом.

И каковы его приметы,
и отношенье к облакам.
Снежинки – странные предметы,
и не приучены к рукам.

В них коды, формулы Вселенной,
рискованные письма.
Рождение, смерть – одновременно,
их неживые семена.

А ты доверчиво и просто,
дитём галактик и систем,
вдруг озаряешься вопросом:
Как это создано и Кем?

«Разбирают ёлку в феврале...»

Разбирают ёлку в феврале
на площадке у кинотеатра.
Сыплет снег с дождинками от марта,
хоть зима ещё в календаре.

Вот и кошка пёстрая спешит
к парку, на котовы именины.
Быстротечны, сутолочные зимы.
Сдвинут неба непорочный щит.

Вижу всюду сущие моря.
Ветрено. Расшатана планета.
Ремонтёры бытности и света —
ангелы хлопочут по краям.

Это, говорят, их ремесло.
И Господь склоняется над нами.
Просто Новогодие прошло
с голубыми хрупкими шарами.

Зимы – мемуарная пора,
хоть ни дна погоде, не покрышки...
И выкрикивает громко ангел с вышки
падающих веток номера.

Тринадцатый трамвай

Когда бы знала я... Когда бы знали все —
тринадцатый трамвай везёт меня к мечте.
Гремит гнилая дверь, и дребезжит звонок.
Тринадцатый трамвай, ты очень много смог.
И, несмотря на дождь и град своих потерь,
ты завершал петлю и открывал мне дверь.
Старался и пыхтел не вдруг, не для кого —
простую песню пел – для счастья моего.
В тебе гудел народ с авоськами проблем —
детишки и отцы, и дедушки совсем,
и бабушки в очках – все пялились в окно —
на уличное, вдаль бегущее кино.
И каждый протирал здесь задницу до дыр.
И улыбалась я – твой главный пассажир!
Ведь много человек ты до вокзала вёз,
и лишь меня одну до неба и до звёзд!
И номер твой ничуть ни в чём мне не мешал.
Тринадцатый трамвай моим героем стал.
Нас не жалеет жизнь и пробирает дрожь,
но, верно, никогда ты с рельсов не сойдёшь,
чтобы домчать сквозь град, не выставляя счёт,
в прекрасную страну кого-нибудь ещё.
За каждый светлый миг – живи, не умирай —
по миру бодро мчи, тринадцатый трамвай!

«Я сама – пикОвая дама...»

Я сама – пикОвая дама.
Ну а ты – пикОвый валет.
С дрона полная панорама —
угол голый, как пистолет.

Это угол нашего рынка,
свалка мусорная в кустах.
Мы, как разные половинки,
потому что любовь пуста.

Мы ругаться с тобой не стали.
Было не о чем. Ни о чём.
Эта дверь, позади, из стали,
как крыло за твоим плечом.

Будешь счастлив, сыт и доволен.
И забудешь дуру – меня.
Не заплачь от фантомной боли,
вдруг поняв, кого потерял.

Ты учёный. Я не учёная.
У меня река за спиной.
Может быть, это речка чёрная,
чёрный ворон над головой.

Мы две птицы: чайка да ворон.
Ворон мудрый. А чайка – нет.
А любовь – это горстка вздора,
угол чёрный, как пистолет.

«Неправильный дождь в феврале...»

Неправильный дождь в феврале.
Трава появилась, мадам.
Наверное, дело во мне.
Какая я, люди, балда.

Конечно же – дырки в башке.
И сыплет, и сыплет дождём.
Вот зимы и стали не те
теперь в измеренье моём.

Машина, застряв в колее,

Буксует. Свирепый шофёр.
Претензии, люди, ко мне.
Во мне ваш косой коленкор.

Синоптики, судьи, сюда!
Полиция, цапай меня!
Наверное, это судьба.
А если точнее – фигня.

Закроюсь, зарююсь, уйду.
Упрячу в ладони глаза.
Повесьте меня на звезду.
Повыше, ровней, господа!

«Каменная рыба тишины...»

Каменная рыба тишины
Зарастает слабыми вьюнками.
Молчаливый, онемевший камень
В детстве трав не узнает вины.

По хвосту и твёрдым чешуям,
по хребту, сквозь каменные жабры,
Жизнь влечётся ощущеньем жажды,
от желанья поселиться там.

Запахи, видения, слова,
Васильки у самого обрыва,
Их не видит каменная глыба.
Окунулась в землю голова.

Для кого? Когда она жила?
Полная романтики, жемчужин,
Северных примет, восторгов южных,
Лёгкая на добрые слова...

Замерла теперь беззубым ртом.
Грунт её вбирает, будто мантру.
Погрузилась в полную нирвану
В космосе своем, забывшись сном.

Золотым сечением она,
Видима, наверно, отовсюду.
Каменная рыба. Рыба – Будда
В центре мира, первого зерна.

«За плечи брошу суму...»

За плечи брошу суму.
Прости, мол, прощай, мой домик.
Шапку в сенях сниму —
может, кто-нибудь вспомнит?

Мол, не таила зла.
Любила... собак да кошек.
Вот она, жизнь, и прошла
мимо моих окошек.

В небо с сумой взойду —
Сколько там воли, света.
Отдайте ж мою звезду
На память бомжам и поэтам.

Три Ангела о чем ведут беседу?..

Три ангела на иконе Андрея Рублёва «Троица» и древнеязыческая Макошь с двумя её спутницами Долей и Недолей – есть, по-моему, две Русских идеи о заступе и роде. Дума воинов о защите семьи, о жертве, ради процветания. И женская дума о продлении жизни, о тепле и уюте в доме.

Женская идея – начало, исток, мочка, моток. Потому Макошь – великая пряха, и две сестры-дочери-помощницы с ней – это Троица. Чаша перед ними. В ней жизнь и жертва, боль и счастье. Судьба – сурья, пить её нам. О чём бы я ни написала, куда бы мысль моя ни заходила, но возвращается к более близкой мне женской идее: о доме, семье – о рождении, о дочери, сыне; о доле личной и доле близких. Из неё прорастает дума о доле-судьбе родины – России. Здесь вплетается женское и мужское – наша общая Доля Русская.

Появляются эти образы неоднократно, как неотъемлемая часть жизни, её основа. Триединое содружество, образ трёх ангелов сопровождающих всюду русского человека.

«Что не так на сторонке нашей?..»

Что не так на сторонке нашей?
Всё печаль да печаль окрест.
Над какою такою чашей
плачут ангелы этих мест?

Всё над ней – человечьей долей —
много терпно они молчат.
И всегда их, по-русски, трое.
И такая на всё печать...

Перед чашею онемели.
Будто бездной предъявлен счёт.
И молчанка над колыбелью,
будто вьюга в ночи, поёт.

Над невидимым нам кострищем
поднимается в небеса
дым над нищенским пепелищем,
над сечёным лугом отав.

Там обобранный погорелец
ищет светлую колыбель...
А в той чаше – лежит младенец.
Море слёз материнских в ней.

«Моя бабушка уголь грузила...»

Моя бабушка уголь грузила

на вокзале, у края судьбы.
От него она черпала силы
на труды от звезды до звезды.

Под косынкою прятала косы,
утирала ладонью слезу —
как гудели в ночи паровозы,
словно шёл эшелон на войну.

И, с лопатой щербатой своею,
шла с работы домой, как солдат.
Всех чертей преисподней чернее.
Только зубы белы да глаза.

До сих пор этой чёрною былью
полон вдовый очаг до краёв.
Пахнет потом да угольной пылью
от щербатой лопаты её.

Цикорий

Смерти-то нет. И плохое не в счёт.
Всё потому, что цикорий цветёт.
Будто колышется синее море —
самый простой придорожный цикорий.
Словно спустилось небесное в дол,
пятнами сини на мамин подол —
мама с серпом замерла у ворот.
А вдоль дороги цикорий цветёт.
Мама цикорий тот сжать пожалела.
Так вот стояла и молча глядела —
словно вдоль дома небесный прибой.
А у прибоя – соседка с козой:
«Жнёшь, Валентина?.. Бог в помощь тебе».
И уступает дорогу козе.
Ну, а козе – благодать, как в раю —
тянет к цикорию морду свою.
Мама ни слова не может сказать.
Небом плывёт, мимо них, благодать.
Смотрит – как цветень рогатая рвёт,
как натянулась верёвка её...
Будто душа прикоснулась огня.
«Съела цветы. И пошли от меня.
Я ж пожалела – не трону цветки...
Было – не стало – одни стебельки».
Светел небес запредельный цикорий.
Жизнь истончилась с подобных историй.

Мама три года почти – уже нет.
А вдоль дороги – лазоревый цвет.
Будто на небо лазейка иль дверца.
Напоминанье для детского сердца.
Мама цветы за красу пожалела.
Уж не тогда ль её синь приглядела?..

«Стоит пшеница, нету ей предела...»

Стоит пшеница, нету ей предела.
Холмы и доли... А предела нет.
И облака, все в оперенье белом,
плывут над нею, испуская свет.

А ей дано расти и колоситься,
тянуться к небу, радуясь дождям.
И ветер гладит добрую пшеницу
по молодым, зелёным волосам.

Ей зрима жизнь возвышенной, полнее...
Гляжу на поле вдаль из-под руки
и вижу – от тепла благоговя,
оно склонило долу колоски.

Сейчас июнь, пора цветов и жажды.
И жнец к нему с серпом не подошёл.
Здесь зреет хлеб для августовской жатвы
и каравая на Его Престол.

Яблочный Спас

Яблочным Спасом, Яблочным Спасом
веет сияние Божьих садов.
Это спасение Райского сада.
Выше – спасенье запретных плодов!

Пахнет корзинами, скрипом лозовым,
детским, с матрёшкой русской, сном,
миром старинным, скатёркою новой,
душной корицей – большим пирогом.

На рушниках, шитых крестиком алым,
у хорошавки*, румянится Спас.
И полагается старым и малым
яблочком хрустнуть, упавшим, тотчас.

Дома у печки, с потёртым ухватом,
бабушка нежится в белом платке —
с Яблочным Спасом, с Яблочным Спасом!
И пироги в противнях на шестке.

**Хорошавка – яблоня*

«Впадает в небо узкая протока...»

Впадает в небо узкая протока.
У августа глаза Ильи-пророка.
И плащ седой, спадающий с небес,
плывёт сквозь сад, кустам наперерез.

Через межу, предвидя неба твердь,
боясь крылом о край её задеть,
всё ниже пролетающие птицы.
А в грядках след от горней колесницы.

Скрещенье стрел и сполохи огней,
что вознеслись над гривами коней.
Всё видно здесь, от космоса до дна.
А выше – длань Господняя видна.

«Ну, вот и осень. Жалость или шалость?..»

Ну, вот и осень. Жалость или шалость?..
Легко иду по линии судьбы.
Ладошка клёна под ногами сжалась
среди листвы и давленных рябин.

Светлеют стяги и сереют блики.
Без астр весёлых гол мой огород.
Лишь брызги флоксов, флоксы не поникли
в толпе листвы, охочей до свобод.

А на востоке розовеет пламя.
Седые перья, трепет высоты...
Ладошка клёна сжалась под ногами,
как будто враг шагнул из пустоты.

Я не хочу! Я всё в себе забуду,
как обмерла однажды на юру...
Ладошку клёна, как живое чудо,
я из-под ног досужих подберу.

Кто предан был и бит за обаянье,
забытый всеми, брошен был под лёд,
горя внутри невидимым сияньем,
простой порыв отчаянья поймёт!..

Как у судьбы есть доля и недоля,
а жизнь полна сюрпризов и щедрот.
И озорна, уж тем, что на заборе
среди листвы рыжеет рыжий кот...

Я не Господь, не чудо, не икона.
Я слабый человек в большом лесу.
Но хоть листок простой – ладошку клёна,
от холодов нахлынувших спасу.

Забывтый странник

Его там нет, кого вы ждёте.
Там поселился дух иной.
А книгу в ветхом переплёте
тишайший Бог унёс с собой.

Прозрачный странник с грустным ликом,
Он всё забыл, Он сирота.
И древняя, о Чуде, книга
сейчас в Его руках чиста.

Кто Он?.. Он бродит по вокзалам,
плутает в улочках чужих.
Во всякий день в халате старом
и в тапках драповых худых.

С небес, с ума давно сошедший,
Он на скамейке спит, как бомж.
А мимо крестным ходом шествий
плывёт вся мировая дрожь.

В ночи очнувшись от испуга,
от сна, в котором Он – не Он...
Оглянется вдруг на округу —
окраина, чужой район.

С какого-то такого чёрта
хандра потянет в ближний храм.
А там тоскливей отчего-то.
Как будто Бога нету там.

Метнётся слепо к горизонту —
меж общежитий, гаражей,
где улица за поворотом,
когда-то Он бежал по ней,

в заросший сад, не узнавая,
тогда ещё открыт всему...
И удивится, что живая
трава так ластится к нему.

Мелькнёт лицо в облезлой раме,
согбенный материнский лик.
И книга слабыми губами,
воскресшими, зашевелит.

От Покрова и до Казанской

Есть дни в обычном мире бренном,
Когда возвышен человек.
Грачи летят осенним небом
И от лесов исходит свет,
Преображая счастьем лица.
Стожаром клёнов выси жжёт.
Тогда, по палой охре листьев,
В мир Богородица идёт.
От Покрова и до Казанской,
В патриархальном октябре,
Господь смиренно наказал Ей
Ходить меж нами по земле.
Как бы меж Раем и меж Адом,
Где суета и лет просчёт,
Над Гефсиманским скорбным садом
Эдем возвышенный встаёт.
Обнажены его оливы,
И видно светлые следы.
В людских садах роняют сливы
Свои последние плоды.
Весь мир открыт, полуразрушен.
Над кровлей тленные леса.
Но наполняет осень души
Наивной верой в чудеса.
И ты, мой друг спешащий, входишь
В аллеи ясный коридор,
Где осень, будто на исходе,
Но кружевной плывёт подзор.
Так, что, блаженствуя, боля,

Душа не просит ни гроша —
Глядит, как тюль метёт аллеи,
Немарким золотом шурша.
И разговор о том в народе,
При доле скудной и простой,
Как эта Женщина проходит
Сквозь мир предзимний и большой.
Что каждый здесь уже не прежний,
Приняв причастие Её —
Святую радость и надежду,
Что осветили бытиё.
Что очень скоро несказанно
Застелют льнами неба дно.
От Покрова и до Казанской
Всё светлой радостью полно.

«В каком столетье, на каком году...»

В каком столетье, на каком году
мне сделаться смирней и осторожней?..
Однажды я нечаянно уйду,
как в магазин за хлебом,
в Царство Божье.
Так завершится волокита дней...
Но – не спешите – не уйти от чуда —
я улыбнусь вам молча ниоткуда
таинственной Джоконды и мудрей.

«Три ангела о чём ведут беседу?...»

Три ангела о чём ведут беседу?
И копьями зачем вооружились?
Деяние ль жестокое узрели?
Пред чудом ли наивно умилились?

В глазах их не веселье – доля наша.
Их главы о постели позабыли.
В молчанье смотрят – прямо перед ними
Стоит Неупиваемая Чаша.

А к ним ведут далёкие дороги —
Не видно им конца из поднебесья.
И быстро скачет всадник синеокий
к пределам их с великой тайной вестью.

А дом их в небесах скале подобен.
И древо, что зимой не увядает.
Гора – проклятым ворогам надгробье.
Бойся гнева их воронья стая.

А в мире столько горя и насилья.
Кто ж бедных *сирот* от беды заслонит?
Не эти ли приподнятые крылья?
Не эти ли заточенные копья?

«Уже всё есть, а я искала...»

Уже всё есть, а я искала...
Живёт безмолвная зима,
не потому ли мне осталось
стоять и ждать на грани сна.

Не улетать и не клубиться,
не соглашаться ни на что.
Там просто небо, просто птицы.
Летят снежинки на пальто.

В музее Пушкина. Нижний Новгород

С мороза мы входили в зал
счастливые, среди немногих.
Здесь, за стеною, Пушкин спал,
устав от тягостной дороги.

Хоть век за веком миновал,
где сани рассекали дали,
а он зачем-то спал и спал,
пока мы все стихи читали.

Казалось безрассудным нам —
лишь миг – и распахнутся двери —
кудрявый Пушкин выйдет сам,
чтоб нам свои стихи доверить.

И, предвкушая этот миг,
весь мир любили мы за это.
А Пушкин спал, как Книга Книг,
сном гениального Поэта.

Шарик

дочке Насте

Мы можем пройти хоть весь город с тобой.
Порхает на ниточке шар голубой.
Его мы купили, надули, и вот —
смеясь, наблюдаем свободный полёт.
На фоне сугробов и грязных машин
легчайший, чистейший, он в мире один.
Смешно и прекрасно – на пике зимы —
железные санки, и шарик, и мы.
Из шапки мохнатой одни лишь глаза.
Мы в память вписали тот день навсегда
мгновеньем из детства, кусочком мечты —
как шарик земной удержала в нём ты.
Привязанный крепко, навек, к рукаву,
чтоб он не умчался от нас в синеву.
Мне завтра знакомые все сообщат —
вас видели с шариком. Бодро летя,
катались мы с горки, зашли в магазин
и даже, по правде сказать, не в один.
Протопали мы через улицы все.
И шарик сквозь вьюгу над нами летел —
воздушный, не скучный, как шар наш земной.
Его донесли мы, с прогулки, домой.

Рождественский ход

Они шли в метели.
И снег им в глаза.
Плыла надо всеми,
Над ними Звезда.

Углами пылала
В миру снеговом.
И всем возвещала —
Пришло Рождество!

На платах с кистями
Пионы цвели.
А юбки мысами
Дорогу мели.

Так шли гимназистки
В забытом году,

Во граде Российском,
Поднявши Звезду

Высокого Неба
Над Волгой-рекой.
А город был нежный
И снежный такой,

Весь в празднестве шествий.
И слушал народ
Рождественских песен
Девический ход.

Спешили кадеты,
И шли господа —
Живые портреты,
В своё никуда.

Где радугой песен
Снег падал с высот.
И был так чудесен
Рождественский ход.

Путь волхвов

Восходит солнце. Снежные дома
Освещены потоком восходящим.
Над деревьями – вечный караван.
А вдоль дороги – прохождение наше.

Мальчишка звучно дует в медный рог.
Идут волхвы – на солнце блещут ризы.
Их путь Вселенной млечен и высок.
А вдоль зимы – поток людской нанизан.

Как выпал снег, стал путь налажен всем.
Тут всякий человек оповестимый,
Что ход открыт в Небесный Вифлеем.
И в тополях, над клёнами, оливы.

Идут волхвы. Здесь каждый, кто воскрес —
Вдоль облаков повозок вереница.
Толпы людской в лазури светлый лес.
Волынки дышат – пар от них клубится.

Так по снегам, от сердца ноября,
До Рождества – его Солнцестоянья —

Идут волхвы, вращается Земля,
И снег летит сквозь купол мироздания.

И тот, кому нет жизни в суете,
И тот, кому терять не жалко скорби —
С волхвами стали звёздным ходом все.
Их в Вифлеем несут по небу ноги.

– Идите с нами, в сей Небесный Град!
Вот Светлояр – явление большое!
И в облаках видения стоят,
В краях высоких облачного слоя.

От ноября – ковчега, где жил Ной
С его спасённым от стихий семейством,
Тот День восходит, движимый зимой,
Над городами белыми Бореи.

Передувает млечные пути,
Где мы спешим внутри земного мира.
А над домами вечный ход летит —
Плывут Волхвы к Звезде неумолимо.

И к нам, в тенёта, сходит лёгкий свет,
От высших сфер и от преддверий Рая.
Волхвы несут торжественно ковчег
И звёздный плащ над миром расстилают.

Мать-и-мачеха

Ходим по воду к колонке в феврале.
Мама льды полощет в ванне на дворе.
На верёвках мёрзнет стылое бельё.
Ветер детство по снегам стрижёт моё.
Никого его сильнее на свете нет.
Всё же – ветер всюду лишний человек.
Я – детёныш – рождена между людьми.
По сусекам наскрести бы как любви?..
Вот сдадут они меня – чуму – в детдом...
Встала бабушка – не сметь! – с двойным перстом.
Но молчи – там, под подушкой, ремень.
Эта бабушка прожженная – кремень.
По-расчётному считает маме дни.
Бережётся мама, тихо время длит.

По корыту среднерусской колеи
Одногодочки косматые мои —

Все мы вместе по весне – деньки из дней —
По поповникам оврагов и полей.
Вот склоняюсь бестолковой головой
Над ладошкой мать-и-мачехи двойной.
И срываю самой жизни злую суть.
Мать-и-мачеху я матери несую:
– Погляди, её потрогай – холодна.
Это внешняя, на солнце, сторона
Зелена. А та, к земле, белым-бела.
Хоть к сырой, холодной, а мягка, тепла.
Я ребёнок. Я спрямка. Мне ль понимать?
Говорю: – Вот это мачеха, вот – мать.
Как же радостны весной её цветы.
Хоть они, как суть, предательски желты.
Мама губы сжала. Промолчала мама мне.
Мама льдов наполоскалась во дворе.

На ночь бабушка берёт большой топор.
С топором идёт-бредёт она на двор.
Там не вор, не тать, а звёзды. Может быть,
Будет бабушка всю ночь дрова рубить,
На Луну глядеть, а после – на зарю.
Говорит она: – Дрова колоть люблю.
С сорок третьего люблю...
Всё может быть.
Вся Россия шла тогда дрова рубить.
«Только раз, – поют, – цветут у нас сады...»
Эшелоны шли тогда во тьму беды.
Чёрный ворон – над посёлком – почтальон.
– Ты летай, – кричат ему, – хоть через дом!
– Не сойти бы только, бабоньки, с ума.
Тяжела она – почтовая сума.
Не от писем-птиц, со Сталиным газет.
Птицы лечат. Похороночек брикет —
С тех камней очугунела голова —
Документ судьбы о четырёх углах.
Вот он – вдовый пятистенный тесный дом.
Пятый угол – локотку широкий стол.
Смотрит бабушка застывшая в окно —
Много снега почтальонам намело.
И сугробом лезет-лезет до окон,
С сорок третьего, усталый почтальон.
Будет, будет колыхаться мамин лёд,
Мать-и-мачеха оврагом поползёт...

По весне с лопатой выйдем на усад.
На ладонь перва как плюнем, так копать.
Только «Карр!» вороний эхом вдалеке —
Глядь – вороны на домовом на коньке.

Вы живите, лады-ладушки мои,
Как тут бабушка хватала ком земли,
Как пригоршню жизни – дёрна схрон,
И кидала его, с р~~о~~змаха, в ворон.
Как колосс упёртый, встамши на земле:
– Ты не каркай, смерть поганая, по мне!
И, пока летел тот ком в седых ворон,
Утирала грубо руку о запон.

А какой там, за забором, ходит тать,
Мне ещё, по малолетству, не понять.

На фоне фильма «Титаник»

Над мартом – садами, снегами,
По небу, в лазури проточной,
Идёт нашей жизни «Титаник»
И стяги над градом полощет.

В весеннем миру, над домами,
Где грачи голодные стаи,
Он, движим большими винтами,
Над аркой берёз возникает.

Так это заранее знать бы...
Пропорет он днище ножами —
О лёд голубой и хрустальный,
О вышку, что над гаражами.

Уж сносит его на торосы
Над телом горящего наста.
И поздно вопить тем матросам
Сквозь небо девятого марта,

Сквозь фильм, что на телеэкране
Вулканом бурлит из пробоин,
Эфиром, зияющей раной,
как в памяти жутко и больно.

Кренится и рушится мачта,
На снег упадет шипучий.
А в небе лазурь, точно Рай там,
Как будто там жить много лучше.

Расселённое общежитие

Осиротевший, бывший семейный тыл.
Вдоль коридора провисшие провода.
Шмотки рассыпал, пасмурен, разнокрыл
шкаф, растопыривший всю пустоту стыда.

Верных скелетов голые миражи,
как часовые, не бросившие посты.
Сон отторженья. По-мертвецки свежи
остекленевшие на кровати часы.

Мир остановлен в капсулах пыльных сот.
Тихо и жутко. Бесчеловечно распят
древний диван. Халат и плюшевый слон
всё ещё верят – хозяйева их простят.

Люди отбыли, вытолкнувши взашей
старых комодов распахнутые гробы.
Я же, случайно попавшая в сон вещей,
вижу трагедию дома и крах судьбы.

Люди умчались в новое Рождество.
В светлых квартирах сейчас пекут пироги.
Здесь же клубится прошлого грубый сор
драных обоев, посуды, пустот нагих...

Стужа. Разбитые стёкла и снега мел.
Пыльных чувяк замерший шаг, как в кино.
Взгляд табуретки в кресле окостенел —
это старуха слепая смотрит в окно.

Ботинки войны

Это тень наползает на комнату
С непогожей чужой стороны.
Ты весь день, как в миру перевёрнутом,
Чистишь берцы – ботинки войны.

Слыша ритм с края страшного, дальнего,
Где кипение зла через край.
И чеканно уже повторяется
По-армейски: «Ать-два» и «Айн-цвай».

Ты не просто их щеткою шаркаешь,

Ты их слышишь и видишь сквозь дым,
Как идут они твёрдо, печатая
В марш-броске, повторяя тот ритм.

И в стране какой – нет уже разницы,
Не унять – слышен топот, как рок,
В каждом доме одно повторяется —
Марш призывный армейских сапог.

Не забыться с того сладким Раем нам —
Ритм вгрызается, тянет на дно.
Я хватаю тогда и бросаю их,
Эти страшные берцы, в окно.

Бог войны к нам полуночно вломится
С окровавленной лапой из тьмы.
Закричу женским голосом тоненьким:
– Дверь закрой! Да с другой стороны!

Въявь тебя у Богов отнимаю я
В Рай палящих родных простыней,
Ведь такое в душе моей плавится —
Круче войн, горячее огней.

Мы же вместе задумали родину,
Где для счастья и детства нам жить!
Только берцы с шнуровкой, походные —
Значит, снова тебе уходить?

И «ать-два», и «айн-цвай» – чистишь в ритме ты
Берцы ваксой в пространстве земном.
А я, зло отнимая, швыряю их
Прямо в грозного бога, в окно.

– Подавись, чёрный демон из пропасти!
Ты не должен входить в эту дверь!
...Тает полк в дымке, чёрной от копоти,
В неизбежном пространстве потерь...

В новом мире живу, как нечаянно,
Где вокруг все чужие свои...
И однажды сама покупаю я,
В память, берцы – ботинки любви.

«А на станции дико и страшно...»

А на станции дико и страшно.

И безлюдно. И ночь, может быть.
Посылают меня, чебурашку,
От епархии города нашей
В Богородск, чтобы Бога родить...
Это бред у меня сумасшедший
Или сон и позор на миру.
Ведь горю я во пламени вечном
И трясусь я в автобусе спешном
Не к селу, а к чужому двору.
Что не так? Кто я есть?.. Промокашка?
Да, вы мной поступились шутя!
Неудашной судьбы замарашка,
Волговятской глуши неваляшка
Забубённого мира дитя.
Как ограбили, обворовали —
Вот те Бог, а вот это порог!
И от Рая до самого Ада,
И от дома до пропасти края
Я качусь прямо в чертополох.
Шестикрылы, глядят серафимы —
В стёкла неба им больно видать —
Едет дура, как есть из *мультфильмы*,
С *крышаря* людям Бога рожать.
Ни бумаг у неё, ни печати.
Для зевак просто так, задарма,
Словно мира её все печали,
Христа ради сума иль тюрьма.
«...Ведь народу без Бога-то страшно,
ведь без Бога народ – сирота...»
Ты езжай, говорят, потеряшка,
ты роди в Богородске Христа.
Я ж не помню и *свойное* имя,
Позабыла и город, и дом,
Как они, те, пославшие, били,
Всё отбили во чреве моём...
Серафимы, глядите из Рая
На мой стыд и на сон мой дурной —
Как кондуктор стоит и вздыхает,
И качает шофёр головой.

«Старые окна похожи на лики старух...»

Старые окна похожи на лики старух,
Тех, что отжили ушедшими в тьму летами.
И в покрывальных коричневых шалях разлук
По небосклону, над избами, пролетают.

Или плывут в каравеллах на облаках,
Руки сложимши, в молчании, на коленях.
Скамьи расставлены в тех небесных местах.
Нави экскурсия, в ней проплывают тени.

Клетчатый плат – ветхой рамы узорный оклад.
В белых глазах, от моления, брезжит распятые.
За деревянным резным частоколом оград
Флоксы цветут – старухам фланели на платья.

«Села, да и устала ...»

Села, да и устала —
Свет на себе несла.
Веточки краснотала
С искорками тепла.
Холмы, доли да реки,
Чёрных дорог брикет...
Руки легли, как плети —
Тяжек ты, белый свет.
Ровно чего мне мало?
Птицам в небе легко.
Что ж ты несла, да встала?
До смерти-то далеко.

Дом накрённый

Дом подгнивает с полуночной стороны,
И на вагонке буквицы писем видны.
Мхи напоззают замедленно на кирпич,
Дождиком ночь в височную мышцу стучит.
Пыткой становится явственной, земной.
Крен нарастает. Снится всё вниз головой.
Дом подгнивает. Так в почву врастает он.
Тельным венцом занемогшим, подпревшим венцом.
Ей растолковано, бабушке-то, давно —
Дом оседает. «Беда, сопрело звено», —
В валенках шатких сгорбится у окна.
Вспомнит, и страшно – жизнь её с неба видна.
Дом-то накрёнется с бабушкиным лицом...
Мне не заметно, мало мной прожито.
К прялке садится и щупает веретено.
Глазом незрячим прищурится, где бельмо.
Белое-белое. Ночью вскочит: «Домой!»
«Дома ты, бабушка». – «Дяденька часовой,

Смилуйся, бабушку к маменьке отпусти!»
И, не узнавшая внучку, дальше летит.
Но спотыкается, падая в темноте.
Дом-то за бабушкой... да увлекает всех —
Видно лишь краешек – в морок впадает дом.
Бабушка встанет и выйдет на свете, на том.

«Когда бы понимать, что жизнь-то – небыль...»

Когда бы понимать, что жизнь-то – небыль,
Да бытие, как книгу, созерцать.
То огород мой, в сущности, на небе —
Вселенной отдалённая полать.

Под перерубом, над белёной печкой,
Где в воскресенье, в вольной, хлеб пекут.
За решетом заборов наша речка.
У горбыля ряды моих капуст.

Вокруг стоят небесные избушки.
Большое древо – тополь в облаках.
А пёс ушастый, мокрый лезет в душу.
И бабочки садятся на рукав.

Вот соловей, в овражике, затенькал,
Проплыл архангел над домами, бел.
И добрый Бог зажёт в заречье свечи,
Чтоб старый тополь весь позолотел.

И хорошо так – пахнет свежим хлебом,
Подпочвенным, поджаристым, ржаным,
Хоть край земли как раз за этим деревом.
А дальше – космос, прочие миры.

Мелькающие эпизоды

Годы, эпоху прожив,
будто ключик в защёлке замочной,
В явь расширяю, к закату бредущая, синие очи.
Вижу одно каждый день – колею заводского района.
Те же рябины, полынь и крапиву у нашего дома.
Бывший асфальт, без названия твёрдого,
улочку в тропах.
И ощущаю – как короток путь, что годами протоптан...
Облако местное. Выйду хоть раз, на прогулку.

Лермонтов гипсовый.
Гордо пройду, как звезда, переулком.
Детства взалкать попытаться,
хоть чем-то заполнить пробелы
Памяти, ставшей безмерно, от времени оно, белой.
С чувством потери,
как будто микроб я тщедушный в пробирке,
Внове постигну пространство,
где в прошлом мы, в детстве, бродили
Дружной толпой разновозрастной
или, как пить дать, не дружной,
Солнце закатное видеть, сходящее в грозные груды,
Или полоски черкавшее прямо на ватмане неба,
Взрыв шаровой над Окой,
что без рук и без кисточки сделан.
Где-то оставленный, к лучшему времени,
пламенно-летний
И позабытый, на гвоздике, в прошлом,
ушедшем столетье.
Что я хотела? Мы, чада, мечтали, живя предстоящим,
И никогда, это видно теперь, не в своём настоящем...
Где жив старик, одноногий,
что бабушкам валенки чинит.
В этом окне —
он меня вдруг цыплёнком двуногим увидит?
В тусклых очках на седой,
запотевшей советской резинке.
Как мимо окон гурьбой
мы сквозь вечер его проходили.
Дети сопливые – весь заводской
инкубатор кричащий,
Вишни ворующий через забор, за малиновой чашей,
Там, где канавы нарыли рябые и рыжие куры.
Дяденьку видя, бегу наутёк я, косматая дура —
К резвым мальчишкам, к шпане поселковой,
хоть плачь, привязалась.
Белой вороной лечу, и шнурок, запаadlo, развязался.
Он же кричит, с костылём как с крылом,
как журавль одноногий.
...Медленно-медленно, вспомнив,
теперь прохожу по дороге
Дальше, к закату,
трескучей, в глухой тишине, киноплёнкой.
В кадре «Потёмкин».
И флаг прямо в небе мерцает... зелёный —
Тополь он местный – встаёт на пути —
дальнобойщик-дальтоник.
Детство прошло.
И сюжет в старых вишнях, за флагом, потонет.

Дон Кихот

Без страха и упрёка
по рытвинам дорог
от крова и до Бога
шагает Дон Кихот.

Его смешные латы
от поступи звенят.
Вокруг него все святы.
Лишь он один не свят.

Его взвели на царство,
и верит он, чужак.
Приемлет, как богатство,
он шутовской колпак.

Ни замка, ни чертога,
но счастлив Дон Кихот.
Как скоморох у Бога,
он честно крест несёт.

Идёт-гудёт потеха,
позор на целый свет —
смешно, а против смеха
и заповеди нет.

Скажи – и ляжет грудью
за друга своего.
Отсвечивает грустью
улыбка у него.

Смеётся вся округа
над смелостью шагов,
он видит в монстре друга,
а в мельницах врагов...

И только на закате,
когда погибнет он,
печаль на всех накатит
со всех семи сторон.

И выскажут в финале —
погиб, мол, он не зря!
...Так люди распинали,
с потехами, Царя.

Цветами и венками
покроют хладный прах.
И с важностью восславят,
как светоча, в веках.

Пока же – злая ругань
летит ему вослед,
и замечает вьюга
его неровный след.

Максиму Горькому

*(стоя на камне, отошедшем
от обрамления постамента памятника)*

Вот, Горький, бронзовый Максим,
тебе моя рука.
Сегодня рядом мы стоим,
как суть – два босяка.

Ты жил на этих берегах,
как я сейчас живу.
И в людях, ближних и врагах,
смысл жизни познаю.

Наивна я. Но не проста.
И ты бывал не прост,
когда такая высота.
А я – метр с кепкой рост.

Но всё, что будет с нами здесь,
в писаньях старины,
с недостижимых небес
и из подземной тьмы,

там, мира этого извне —
померят нам судьбу.
И встанем вместе, наравне,
на Окском берегу.

Горький на площади Горького

Человек на скалу взошёл.
Ветром бьёт то в лицо, то в спину.

Это Горький стоит в пальто
Своего погибшего сына.

Руки за спину заложив —
На расстрел или при аресте.
Места крестного старожил,
Неба этого буревестник.

Чёрным лёгким ещё хрипя.
Человек гигантского роста.
Руки сжал так, что пальцы хрустят.
Дайте, дайте ему папироску!

Он закурит, как паровоз,
отряхнёт пепел дней облыжных.
И пойдёт на Волжский откос,
через вечно спешащий Нижний.

«Вихри в небе несусветные...»

Вихри в небе несусветные.
Или вправду – Божий Суд?
Только жёны раболепные
Мир в ладонях нам несут.

Это жёны-мироносицы
Под Архангела крылом.
Кто несёт, с того и спросится —
Как был этот Мир несён?

К Солнцу Правды, к Свету, к Родине
По огням идут свечей.
Сколько дол и болей пройдено,
Что идти всё горячей.

Ведь идут землёю русскою,
С песней, полною чудес.
А тропа такая узкая.
И поют – Христос воскрес!

Три девы

Лилейной прядью свежий иней лёг
На лица прях, живую светотенью.
Ждут человека счастье и лишенья,

Полёт, паденье острозубых звёзд.
Здесь каждый миг пряденья драгоценен,
Гул колеса, осей его вращенье.
Древнейшей прялки непреклонен рок.

От белой девы – зарожденья сон,
расцветы царств и праздничные лица.
От рыжей девы – золотые птицы,
Львы, кони и кентавры всех времён.
Погибших книг нетленные страницы.
От синей девы – космос в мир струится
И купол над фортуной вознесён.

Всё сетью нитяной окаймлено
Над бездной, между круч и крайних точек.
Галактики невидимый челнок
Вонзается в открытое окно.
Там путь в пространстве виден между строк,
Где каждый миг судьбы предельно точен.
Не падая, летит веретено.

Три Девы Вечность звёздную прядут.
Непостижимо женское терпенье:
В сердцах их тол, кресало, порох, кремний.
Вселенная вокруг как мягкий трут.
А в пальцах рук: клубки, переплетенья —
То нежность трав, то беспощадность терний.
Точны движенья непреклонных рук.

Неумолим их равнодушный взгляд.
Им виден мир картиной отовсюду.
Великой пряжи волос в нити впутан —
Звенит струна, рождая Рай и Ад,
Как наказание и живое чудо.
И будет встреча и, за то, разлука.
Вот счастье, а вот долгий взгляд назад.

Под девами земное небо – мир:
На млечном блюде жизнь, как на ладони.
Все ветви рода, цвет в древесной кроне.
Ушко иглы – живой ориентир.
Нить Ариадны в тьме кромешной тонет.
И в схватке с смертью плоть живая стонет,
В перекрещении клинков и крыл.

Себя находит и теряет человек —
Дорога к храму, бег в слепые ямы.
За древним садом видно поле брани,
И вставший, в море крови, монумент.

И сверженные – павших наземь камни.
И демиургов пурпурные ткани.
Свет озарений и предсмертный свет.

Три девы нить косматую прядут.
То шёлк, то шерсть, то сущая крапива.
Открытая ветрам картина мира.
Между войной и миром узкий путь.
То цепь страданий, дерзновений диво,
То ткань со множеством просветов, дырок —
Стяжанье кружев и узоры пут.

Рябиновые бусы

Любовь – тайна. Непостижимая, неразгаданная – притягательная. Люди досужие доберутся – похвалят за нежное кружево – надорвут, обескуражат, обеснуют – с бесом её живучесть свяжут, спутают – небесную радость разрушат... Увлекут, привяжут за волосы к конскому хвосту и поволокут по колее – чужие, злые люди. Убьют и злорадствуют... А она – Тайна. На обломках мира Храм возведёт. На песке, на стремнине, на облаке небесном. Неубиваемая Любовь. Узлы канатов разрубит, погубит себя и сама же возродит. И на муки пошлёт. И силу даст – перенести всё – Любовь.

«Мы из разных миров. Я забыла – какая дверь...»

Мы из разных миров. Я забыла – какая дверь.
И летим, как пилоты нелепых своих потерь.
И жужжит наш мотор голой яви, пропеллер, жесьть.
Хорошо, что на свете ты в этой Вселенной есть!
У которой одна, как стрела золотая, ось.
Ты забудешь меня?! Ну, давай, позабуди! Авось...
Вот – мы брошены в хаос. И пропасти впереди.
Ты сказал – уходи!.. И я вторила – уходи!..
Это космос. Воронка галактик – в неё ввернусь.
Это светлое место, над осью – святая Русь.
Это мир изначальный – вращение изнутри.
Ты сотри свою память. Меня сотри и смотри:
Мы из разных миров. Но разлуки я не боюсь.
Место встречи одно – у реки, у Оки, где Русь.

Олива

Когда в устах не пицца, а молитва,
Как плод духовный нежно пламенеет,
То в животе моём растёт олива
И, кроной в сердце упираясь, зреет.

Как новый ангел в оперенье белом,
Сходящий от Небес на морок грешный.
Она прекрасна – ручки, ножки – тело,
В ней ДНК, спелёнатые в чресла.

А я иду ухабами, дорогой,
Мне щёки обдаёт пожар моторов.
Несу себя, цепей остов расторгнув,
Перед угаром дышащих драконов.

Во мне Она – меча войны сильнее,

В ней капилляры, звенья и колечки.
Распахнутая косточка, идея
На дланях Бога, там, где горячее.

Живёт, растёт невидимым магнитом,
Ладонями прикрыв начало мира —
Из пены океана Афродита
На раковине, волнами раскрытой.

Затем в устах моих цветёт над миром,
Не затихая, музыка молитвы,
Что в животе округлом и счастливом,
Пред лилией архангела – олива.

За то оно так жаждет нас и любит —
Златое пламя звёзд и преисподней,
Что мы вынашиваем чудо под исподним
И белым млеком наполняем груди.

В переплетенье веток, капилляров
Свиваем Слово в звенья и колечки,
Не убоившись войн и смерти ярой,
Не устрасаясь мук от рода вечных.

«Живёт среди лесов...»

Живёт среди лесов,
живёт среди полей
и полевых цветов
сам Царь души моей.

Не признанный никем,
ведь царство так мало.
Но для души моей
от глаз его светло.

И, как подарок мне,
невидимый в миру,
он скачет на коне
по царству своему.

А под его ногой
то травы, то снега.
Он – Царь души моей,
а я – его слуга.

Сильна земная дрожь,

но Ариадны нить
надеждой меж миров,
хоть вместе нам не быть...

Но – Солнце над горой
нам на усладу дней.
Он добрый мой герой.
Он Царь души моей.

У окна

Свет вечерний и лучистый,
невесомый – на двоих.
Сколько в жизни приключится
бед, чудес, неразберих.

Но, обнявшись, и недвижно
в раме, точно в витраже,
над районом непрестижным,
на четвёртом этаже,

в тёмной комнатке без стульев,
где и лампа не горит,
мы на уровне безумья,
мы как бы уже парим

мимо памяти прошедшей,
бывшей среди зол и пут.
Что нам стоит, сумасшедшим,
сгинуть в темень, в пустоту,

в будущее, в неизвестность...
И на уровне земном,
глядя так же бессловесно
в запотевшее окно,

запредельно излучаться,
и, слова давно излив,
точно маятник, качаться
от любви и до любви.

В мандариновой роще

Ты помнишь, когда мы были
В твоём Эдемском краю.

То – рыжие мандарины,
Я сказала, люблю.

Дерево плод уронило.
Ты поднял, в ладони сжал:
– И я люблю... мандарины, —
По-русски ты мне сказал.

Хоть были мы разной крови.
Я крашенная, ты – бел.
– Я знаю много историй, —
Добавил ты между дел, —

Тебе я их рассказал бы,
Лупя для нас мандарин.
Да как бы в мире не стало
Ещё одних именин.

Кольнуло под сердце жалком
Собравшей пыльцу пчелы,
Что жаром и впрямь обжало
В роще, от слов, стволы.

– ...Лет мне немало, постольку
Не выдержу вдруг щедрот.
А разделю-ка на дольки
Я оранжевый плод.

Я ж не железный, но стойкий.
И в переделках бывал, —
Так говорил ты, и дольки
Мне по одной подавал, —

Меня ты, может, забудешь.
А, может, напишешь стих.
И станешь рыжею, точно,
От мандаринов моих.

Истории этой корни,
Среди заснеженных зим,
Пусть обо мне напомнит
Оранжевый мандарин.

«По картине Босха...»

*По картине Босха
«Блаженные и проклятые»*

Разъяли нас на белый свет и тьму.
Одних поднять, других – навечно кинуть.
Всё видел Босх. Тебя я обниму
И навсегда, как велено, отрину.

Воспоминаний мир покроет мгла,
И в этом есть красивая отрада —
С тобой всегда... и вечность поплыла
В окне свинцовом облаком над садом.

Мне жить не привыкать, мне хватил сил,
Забудусь в суете, в мельканье буден,
И не схвачу тебя за перья крыл.
И ты, как Босх, меня ещё забудешь.

С клеймом страстей на Небо не берут.
Там все белы. И ты – белее мела.
А я, простившись, въявь туда нырну,
Где Босх во тьме огню погибших предал.

Наш мир жесток. Что им союз двоих?
Блаженные и проклятые дети.
Всё распадётся – май и полиптих
С центральной частью, где мы были вместе.

Чужих держав герои, разных книг —
Меня ещё и не было на свете,
Как бравый Швейк вонзил железно штык,
Сказав, что мы с тобой за всё ответим.

Так, что уста прикрыл, в молчанье, Босх —
Он в лодке плыл каналом под домами,
Где мы с тобой, обнявшись, в серый сон,
В такой же тихой лодке, проплывали.

Что было плохо – всё с собой возьму.
Ведь наша жизнь – обычное мгновенье.
Люблю тебя и ухожу во тьму,
Из Вечности в кромешность, во Спасенье.

«Из ветвей достаёт жираф...»

Из ветвей достаёт жираф
жёлтый плод, будто сам он – змей.
Ева думает – это ей...
И ныряет в одёжный шкаф.

На крыльцо заползает плющ,
словно здесь и его жильё.
Ева думает про своё.
В мире много щемящих душ.

Бог забыл этот дом и сад,
словно мир накрыла волна.
Эта Ева живёт сама.
А за стенкой кромешный ад.

Сам, как хочет, живёт Адам.
Ева мнится ему во сне.
Да, он, в мыслях, в другой стране.
Жизнь менять им не по годам.

В злой машинке запуталась нить,
только наволочка больна —
в ней прореха ночей без сна.
И прореху надо зашить.

А в окне крутит мир кино.
А в окне листва зелена.
И пасут на небе слона,
хоть слоны не летали давно...

После смерти не дышат,
не читают стихи.
Этот шорох по крыше,
он от листьев сухих,

Кем-то брошенных, сотен...
Распечатанный пыл.
Звуки стёртых мелодий,
что, мол, верил и жил.

Я искала кого-то,
но пропал человек.
Чёрно-белое фото
мне прислал прошлый век,

как обрывки романа
в позабытом саду.
Зря ты слал телеграммы.
Нет ведь почты в аду.

Те напрасные вести,
что летели с земли,
только пепел, да ветер.

Все на розжиг ушли.

Троянский конь

Не пожалею сотни раз,
что не узрела лжи,
как с холодком и напоказ
блеснули вдруг ножи.
Был очень нежен ближний бой.
Я не в войне с тобой.
Ты мой ручной Троянский конь,
моя тройная боль.
Пусть воины внутри тебя,
как церберы ночей.
Но – пропускаю я коня.
Я так люблю коней!
Вот – стрелы чёрные звенят
вдоль выжженной земли.
Прекрасна грива у коня
моей слепой любви.
Ступает он по мостовой,
от спелой крови сыт.
О, как велик Троянский конь
от холки до копыт!
Искусство плотника? Рука
Творца, любви оплот.
Он авангарден – на века,
Как гордо он идёт!
И пал к ногам, при свете дня,
мой город над рекой.
Я в восхищенье от коня!
Он мой – Троянский конь!
Вам, жалким, страшно подойти.
Вам мнится – я в огне,
как ведьма в полыме любви
на вздыбленном коне.
Но всё сложнее – это Жизнь!
Лишь в том моя вина,
что я посмела укротить
Троянского коня!

«В скромное моё жилище...»

В скромное моё жилище
ты войдёшь, как гость.

Посмотри на пепелище,
на любовей гроздь.
Чьих тут рук благое дело?..
Смотрит из угла
Спас прабабкин поседевший,
Божья голова...
Потолок-то вон белее,
а во мне черно.
Ты закинь-ка невод, смелый,
в волглое нутро —
там она, золотая рыба,
омуль да карась,
кит библейский, будто глыба.
А в ките том князь —
царь североморских лежбищ.
Он живёт во мне.
Хочешь внутреннее небо?..
Хочешь ад в огне?..
А чего святому надо
от такой меня?..
Позаброшенного сада
воздух вдруг обнял.
Злой сосуд, обломки мира,
облетевший цвет.
Всё, чего уж раздарила,
то, чего и нет.
Обнял день, ужасно долгий,
душу в темноте,
нерождённого ребёнка
и плоды утех.
Слухов множество, историй...
Облик не святой
той, что плавала во гробе
среди толпы людской.
Ту, которой не поверил...
И пришло – ведь ты
тот ковыль, как семя, сеял
тайно, вдоль тропы.
Поняла, как обманули,
бросив на ежи.
Пистолет что ль, с умной пулей,
дуре предложи,
чтоб навстречу не летела
памяти своей.
А потом, за это дело,
и себя убей.

Оберёг

На распутье у трёх дорог
мы стоим. Только сердце ёкнет,
охрани меня, оберёг,
наше чувство и крови клёкот.

Охрани и обереги,
под крылами укрой любовно.
Это чувство в моей крови,
словно заповедь, первородно.

Я не верю, что всё не так.
Ты со мною не будешь вечно.
Но до одури странный знак —
на дороге в пыли колечко!

Через что там впотьмах пройду.
И где буду – в Раю, в гробу ли...
Это чувство я сберегу.
Это чувство со мною будет

всех светлее и всех верней,
ближе сердца и мягче хлеба.
На распутье у трёх ветвей...
А четвёртая только в небо.

«Я заблудилась. Заснеженный сумрак, заборы...»

Я заблудилась. Заснеженный сумрак, заборы...
Что-то случилось. Ты мне не оставил следов.
Вот и летят, как вороны, людей разговоры
через квадраты домов, гаражей и садов.

Падают их испещренные воздухом перья.
Кто-то в подъезде судьбой горемычной распят.
Сквозь общежития ветви продеты деревьев.
И через окна, где люди то ходят, то спят,

не замечая миров, пропуская моменты,
зло, в коридорах, ногой папиросы гася.
Так и живут, на родных ставя эксперименты.
Так и вопят – развесёлая песенка вся!

Это они... Это я... Это Мартин и кошки...

Это душа поднимает над погребом гнёт...
Ходко пройдушь по кривой, где пинки да подножки.
Ты не приедешь. И память ко мне не придёт.

Я на краю, слышишь ты? Мне б увидеть сначала...
Пальцами трогаю прошлого слабую нить.
Это однажды всю Землю легко раскачал ты.
Мне эту Землю одной и не остановить.

«Для любви нет смерти, успокойся...»

Для любви нет смерти, успокойся.
Он вернётся радостный в июле.
И счастливо завершится повесть.
Ведь разлука – время, а не пуля.

Хоть дракон силён и очень страшен,
но в душе любимого виденье.
И падут, как злые чары, башни,
и дракона злое привиденье.

Это просто в небе неполадки.
Нестыковка в космосе далёком.
И на драпировке жизни складки
получились малость кособоко.

Он вернётся в праздничном июле.
И настанет умиротворенье.
Ведь Господь, Он помнит нас и любит.
Просто отлучился на мгновенье.

«Мы встретимся с тобой в конце времён...»

Мы встретимся с тобой в конце времён,
когда утихнет третья мировая.
Обломки мира. Дым. Ворота Рая.
И на обломках больше нет имён.

А мы стоим над миром и молчим.
Мы свиделись. И слов пустых не надо.
Нам и пейзаж вокруг неразличим,
и что кричит толпа у чрева Ада.

«Я – волчица в своём лесу...»

Я – волчица в своём лесу,
и добычу в зубах несущу.
Между небом и меж землёй
мы с тобой, хоть умри, живём.
Притаюсь: у моей щеки
можжевелик, грибы и мхи.
Не приемли и ты покой,
волк, охотник мой колдовской.
Я свободу как дар храню.
Глуп желавший шкуру мою.
Как от ветра травы звенят.
Я учую недобрый взгляд.
То не сад, а дремучий лес.
Всё на свете имеет вес.
И с враждой не ходи сюда —
помнят тропы всё, до следа.
Хоть свет клином сойдись на мне —
воткнут нож на заветном пне.
Я шагнуть в тот мир не боюсь —
русой девицей обернусь.
А как ночь – назад кувырок —
мне собратом матёрый волк.
И в лесах, у хрустальных рек,
сердцу сродника ближе нет.
Как жемчужина, как роса,
поцелуй его на устах.
За него, кого я люблю,
горькой ягодой отравлю.
Околдую, собью враз с ног —
посмотри на мой оберёг!
Что мне храмив уют и дым?
Волки сыты мясом сырым.
Есть такой у нас интерес —
хоть корми, а мы смотрим в лес.
Что нам мир ваш – присмотр да сглаз.
Даже змеи в лесу за нас.
И летит, как покров, со мной
тайна ночи и дух лесной.
Звёзды с неба в окно глядят.
Я волчица – хочу тебя!
Через лес, сквозь чёртову мглу,
через реки к тебе бегу.
Бьётся сердце живым комком.
Соль и сладость под языком.
Зверь, а нежности не сдержу,

языком тебя оближу.
Жить да быть расхристанной мне
в шалаше, во сырой норе.

«Красивые, как созвездия...»

Красивые, как созвездия,
и с пятнышками отметин
сквозь облачные столетия
по небу летят олени.

Летят мирами астральными,
что над уснувшими нами,
загадочные создания
с космическими глазами.

Им грани тесны телесные,
и грезятся сонным утром
нам взоры инопланетные,
лазурные, с перламутром.

В студёные воды ранние
на охристые деревья
стекает со звёзд дыхание
кармическое оленьё.

И, видится, тоже стали мы,
минуя цепочку терний,
как эти виденья странные —
космические олени.

Рябиновые бусы

(поэма-баллада)

1

Словно душу, как шла, просквозило,
Мимо дерева жизнью своей —
В белой пене густая рябина.
Ливень тёмно-зелёных ветвей.

Наломать, как ломают сирени?

Ведь она буйным цветом цветёт.
Не иначе, по верным приметам,
Урожайный предвидится год.

Только дерево, эта щербина,
Очень странная. Будит ли что?
Что я в памяти не сохранила,
Да неявное мимо прошло?

Мы на нить ягод алые бусы
В детстве, в свете земных осенин,
Собирали. И горестный вкус их,
За года повзрослевши, храним.

2

Это было с утра, в бабье лето.
Маму будто пронизала дрожь.
Резко вышла она на рассвете
Под осенний рябиновый дождь.

Но вернулась и нервно, и быстро.
Кто стучался, да ранний такой?
– Подавала, – сказала, – вон нитку
Подлиннее, с железной иглой.

Бесконечную, верно, и злую
Человеку у врат одному.
– Дай, штаны чёрной ниткой зашью я, —
Он сказал в столб воротный, во тьму.

Я не слышала слов, но ворота
Резко хлопнули, как навсегда,
Что прочла я ту речь слово в слово,
Повзрослевшая, через года.

3

...Не забыла – был очень красивый
Парень странный. Да кем же он был?
Как он бусы из алой рябины
В сентябре, на любовь, мне дарил.

Чей такой? Мне сказал, что, мол, нравлюсь,
Как невеста без места ему.
Мол, такую пригожую кралю
Не отдаст ни за что никому.

«На Земле, – так сказал он мне, – путник».

Мол, гуляю, да мимо, сказал, —
«Ты запомни цыганские кудри
И мои голубые глаза.

Слышишь – там, на конях, скачут принцы.
Это сложный и долгий процесс.
У меня же сложившийся принцип —
Усложнять жизнь подобных принцесс».

И на шею накиннул мне бусы,
Как петлю, с огненным холодком.
Я стояла с косой тёмно-русой.
Он – чужой и красивый такой.

«На любовь, – он сказал, – эти бусы.
Видишь руки, сам делал, в крови.
Для тебя – молодой, тёмно-русой,
Эти бусы на нитке мои».

Принесла их домой горстью алой,
Как наивной надежды привет.
Посмотрела на нить эту мама:
– А не рано – в четырнадцать лет?..

Эта фраза, как будто скорбинка,
Дробью ягодной стукнула в дно.
Пеной, словно, покрыла рябину
На одном перекрёстке земном.

Обагрила сентябрьский вечер.
Мама вдруг:
– Дай-ка бусы сюда!..
Я их спрячу. Запомни – он ветер.
Не забудь! И забудь навсегда.

Что такого случилось? Не знаю.
Я – подросток. А в окнах – закат.
Жизнь хорошая и золотая.
Будто наш, в добрых яблонях, сад.

– Лучше жить без любви нам на свете, —
Мама в угол избной говорит.
Ведь нанизаны ягоды эти
На суровую чёрную нить.

– ...Вон, стоит у ворот этот камень!
В землю врос уж, как пуг чёрный ком...
Бус холодный рябиновый пламень
Окружил и облапил наш дом.

Столбовым перепутьем и бденьем,
Будто Ад в нём крошечный и злой.
Так он встал между двух поколений
И рябинки пронзает иглой

Перед окнами утром в тумане.
Сам похожий на чёрный туман.
Души это он колет и ранит.
И сажает на нитку – в капкан.

Да по свету гоняет, как ветер,
Наломав веток алых рябин.
В бабьем лете, в осиновом свете.
Мамы нет. И гуляет один.

Где за церковью встали осины,
Тесно сгрудившись в месте одном,
На надгробии старой могилы,
Перед сгнившим давно уж крестом.

Пережил целый век этот ветер,
Все кусты и кресты перевив.
И в карманы упрятаны ветки,
Как ладони в рябине, в крови.

Он-то знает, чья это могила.
Не забыл, за гульбой, чёртков внук.
И кого мама, ты любила
До креста, до немислимых мук.

Ты над кручей в другом дальнем крае.
Над могилой твой маленький крест.
И в овале стоит крали Вали,
Молодой и красивой, портрет.

Я одна – никому не досталась.
Как хотел.
Но, сорвавшись с петли,
Родила в горьких ягодах алых
Плод дрожащий от плотской любви.

Не его! И за то покорёжил,
Уж ломал ветер тело моё...
Будь ты проклят и Богом отвержен!
И пусть вечно рябина живёт.

Вижу бабушку в небе багримом.
Мы идём в край далёкий Алтай.
Я тянусь – обломить ветвь рябины.
А она поперёк:
– Не ломай!

И рукою отводит от века,
От кипения белых цветков.
– Это девы рука, а не ветка.
Обращённая в древо любовь —

Вишь кипит, инда вся обмирает,
Болью мается с этой любви.
Так она, во грехе, страсть больная,
Нас сгибает до самой земли.

Огневая пляска на Масленой неделе в Весновой

Мы огнями обносили
Избы все и храмы наши.
Весновеем озарится
Вера, правда, грады, пашни.

Ветер с юга повернул к нам.
Дождь по лицам хлестанул как.
А потом зима рванулась —
Снега хлопья – с неба стружка.

Кутерьма. Начало круто.
Факелы нам дождик тушит.
И шипят на перламутре
Отраженья в чёрных лужах.

В месиве дороги с кашей,
Где телеги и машины,
Мы с огнями марта пляшем
Вкруг намокшего овина.

Раскраснелись в пляске бабы —
Щёки жаркие и взоры.
На платках, как пёстрых флагах,
Мира множатся узоры.

Вот мужик – в сугроб цигарку —
Под гармошку – прыг вприсядку.
И летят огней огарки
Вдоль соседского порядка.

Улица гудит, гуляет
Под плакучим снегом марта,
С Весновеем-огнетаем
В гульбище гремит поддатом.

У ворот, гляди-ка, стынут,
Нелюдимы от стеснения.
Бросьте – март летит палимый
Птицей пёстрого веселья.

Мы с огнями и с блинами,
Со сметаной жёлто-белой,
Скатерть стелим над снегами,
Над зимы лежащим телом.

Вот и праздничные снеди.
И икра глаза тарашит.
Водку льёт сосед соседу
В одноразовый стаканчик.

Самогон – первач голимый.
Варежки* вы мне налейте!
Масленный рукав родимый
У фуфайки не жалеите —

Выпьем вместе и закусим
Мы блинком, и рукавом тем
Оботрём-ка рот по-русски,
И споём над поворотом

Года, неба, мира, Солнца,
Всей Земли в снегах горящих.
Спляшем так, что мир прогнётся
Под весенней пляской нашей.

Варежка – самогон, настоянный на травах, который делают в селе Вареж,
Нижегородской области.*

АНАСТАСИЯ РОСТОВА

Русские бабы всегда делают невозможное. Быть одной из них – благословение и проклятие. Оказаться ещё и автором – радость и наказание вдвойне. Господь силен в искусстве конферанса: каждому автору он дарит такую биографию, что закачаешься. В моей необычной судьбе было всё – от тучного деревенского навоза до блестящих стеклянных небоскрёбов. Доводилось и посылать людей отборным русским матом, и вести светские беседы на витиеватом английском. Я видела всё или почти всё, пережила многое и многих, смотрела в глаза смерти и безумию – они приходили за моими самыми близкими людьми. Контрастное и колющее полотно моей жизни порой до крови ранило мне пальцы и душу. Иногда мне казалось, что я не в силах больше перебирать его и ткать продолжение. И всё-таки я здесь – продолжаю, утешаю, шепчу свои прекрасные коды доступа в Будущее. Обнимаюсь с дорогими моему сердцу Еленой Крюковой и Ларой Бухваловой, потому что они стоят у того же портала в иные миры, что и я. Обычные русские бабы, поющие и танцующие на морозе. Три девицы под окном, три старухи с нитями и ножницами в руках. Пусть летит к людям наша честная – без прикрас – бабья книга. Грешная и священная. Да будет так!

ПЛАМЕННЫЙ МЕЧ

Градус полетности

Чкалов

Где полюс, на котором успокоюсь?
Подбрось меня в ладонях, материк!
Высотомер в союзниках и скорость,
За мигом мы отыгрываем миг...

Лечу я – под мостом, над мерзлотою,
Мой фюзеляж дрожит, но держит цель,
Врезают крылья море золотое:
Я рву меридиан и параллель...

Мой пульс не пробивается сквозь китель,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.